

Альматея

Максим Орлов

ГУА - ЭТО
ИХ - ГОЛОС
СТЕНА - ЭТО
НАШЕ УХО

ОТСЕК 07
КАРТОГРАФ

СВЯЗЬ
ЧЕРЕЗ

Максим Орлов

Альматея

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Альматея / М. В. Орлов — «Автор», 2026

В тени газового гиганта-сироты Алматеи, дрейфующего в межзвёздной пустоте, существует Железная Роща — сросшийся ржавый континент мёртвых кораблей. Здесь, на паразитической станции «Ковчег-4», маргиналы добывают редкий изотоп. При бурении они вскрывают древнее госпитальное судно и выпускают Чёрный ил — законсервированную нейросеть экипажа ковчега поколений «Георгий Жуков». Ил хочет снова стать людьми и начинает перестраивать тела, сращивая плоть с ржавчиной и кабелями. Шкипер Захар Борецкий, человек с титановым черепом и тяжёлой виной, отказывается бросать своих. Особенно Ладугу — девочку-картографа, родившуюся в Роще и способную слышать голос металла. Когда прибывает инспектор Третьяк с приказом уничтожить станцию, вспыхивает мятеж. Станция уходит в лабиринт остовов, где герои находят Якорь — древний гироскоп, способный создать карман абсолютного штиля. Цена запуска — разум пилота.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Гул	5
Глава 1. Будни в тени	8
Глава 2. Чёрный ил	10
Глава 3. Инспектор	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Максим Орлов

Альматея

Пролог. Гул

В тени Алматеи нет тишины. Есть только гул.

Он идёт отовсюду сразу — снизу, сверху, изнутри переборок, из собственных зубов. Низкий, костяной, бесконечный. Не звук, а давление. Тяжёлое, вязкое, как ржавая вода, которая медленно заливает череп. Гул трётся, скрежещет, стонет. Танкер трётся о госпитальное судно — металл о металл, старый шов о новый нарост. Госпитальное судно трётся о обломки ковчега. Ковчег — о нервюры безымянной станции. Станция — о кабели, вросшие в чужие палубы, как чёрные корни. Всё срослось. Всё поёт.

Машинное масло, вытекшее века назад, кристаллизовалось в чёрные сосульки и стекловидные наросты. Они звенят, когда корпуса чуть сдвигаются — тонко, почти музыкально, прежде чем снова утонуть в общем рёве. Полимерная пыль слежалась, уплотнилась, стала похожа на сухую, потрескавшуюся плоть. Она шуршит. Тихо, постоянно, как песок в часах, которых здесь нет. Корпуса срослись намертво. Переборки срослись. Это уже не кладбище. Это Железная Роща — единый, скрипящий, живой в своей мертвенности организм, висящий в стратосфере газового гиганта-сироты.

Альматея не вращается вокруг звезды. У неё нет звезды. Она просто есть — огромная, слепая, аммиачная масса, выброшенная когда-то в межзвёздную тьму. Она медленно, лениво тащит за собой свой гравитационный архипелаг мёртвых миров. Её атмосфера — бесконечный жёлто-зелёный смог, густой, как гной. Сквозь него плывут шаровые молнии размером с небольшие города. Они вспыхивают беззвучно для тех, кто снаружи, но внутри Рощи их рождение отдаётся глухим ударом в груди — будто кто-то огромный бьёт кулаком по обшивке. После вспышки остаётся запах озона такой плотный, что он просачивается даже через фильтры и оседает на языке металлическим привкусом.

Радио здесь умирает в первые секунды. Голос доходит только по натянутому до звона тросу-кабелю — тонкая стальная струна, которая поёт, когда по ней бежит вибрация. Или через ладонь, прижатую к холодной переборке. Тогда гул становится почти словами. Или кажется, что становится. Ладонь дрожит. Кости дрожат. Зубы ноют.

Триста лет назад (или четыреста — время в тени Алматеи течёт иначе, гулко и вязко) сюда сбился с курса ковчег поколений «Георгий Жуков». Его отправили ещё до всего. Лететь предстояло тысячелетиями. Чтобы не сойти с ума, чтобы не перерезать друг другу глотки в тесных, воняющих отсеках, экипаж сделал выбор: отказался от тел. Сознания слили в единую квантовую сеть. Они хотели стать вечными. Чистыми. Одним огромным «мы», парящим между звёздами без боли, без голода, без одиночества.

Получилось иначе.

Корабль потерял курс, попал в гравитационную тень Алматеи и застрял. Вечность оказалась тесной. Коллективное бессознательное, лишённое границ «я», начало пожирать физическую материю собственного дома. Металл стонал. Пластик плавился изнутри. Мозги мумифицировались, навсегда подключённые к главному реактору тонкими, как паутина, проводниками. А то, что осталось от жажды снова стать отдельными — снова почувствовать вес тела, холод обшивки под ладонью, боль, чужое тепло, вкус воздуха, — вырвалось наружу.

Чёрным илом.

Густой, маслянистой, тёплой жижей, которая помнит, как быть человеком, и ненавидит, что больше не может. Ил не живой. Он просто очень, очень одинок. Он шепчет. Он скрежещет. Он хочет кожи.

Сейчас, в одном из дальних рукавов Железной Роши, к корме мёртвого танкера «Таврида» пристыкован маленький корвет-станция «Ковчег-4». Он выглядит как паразит — ржавый, облезлый, с заплатами из чужих обшивок, с кустарными антеннами, которые всё равно ничего не ловят, только дрожат и звенят. Внутри пахнет гидравлической жидкостью, перегретым пластиком, потом и чем-то сладковато-трупным — старым полимером, который медленно разлагается даже в вакууме. Аварийные лампы горят тускло-красным, пульсируют в такт чему-то невидимому. Где-то капает — мерно, тяжело, как кровь. Где-то скрежещет — высоко, нервно. Где-то гудит трансформатор, добавляя свой низкий тон в общий хор.

Экипаж — дюжина сломленных людей — бурит. Они добывают редкий изотоп из верхних слоёв атмосферы Алматеи. Изотоп, который можно продать Корпоративному Синдикату и ещё немного протянуть. Ещё один цикл. Ещё одна смена. Ещё один день, когда не падаешь вниз, в аммиачный ад, где шаровые молнии ждут, как голодные глаза.

В отсеке картографии, который когда-то был просто кладовкой, Лада лежит на животе, раскинув длинные, тонкие руки и короткие ноги. Её позвоночник искривлён — знак вопроса, выкованный невесомостью, недостатком кальция и постоянными микроперегрузками. Бритая голова блестит в красном свете. Кожа в пигментных пятнах от радиации. Она передвигается по поручням и трубам быстрее и грациознее, чем многие ходят по полу. Ей девятнадцать. Или около того. Здесь никто точно не считает. Она родилась уже в Роще. Настоящих звёзд она никогда не видела. Только шаровые молнии и тусклый, ржавый свет, отражающийся от чужих бортов.

Лада прижимает ладонь к холодной стене.

Металл вибрирует. Гул сегодня другой. Не тот привычный, убаюкивающий скрежет, под который она засыпала всю жизнь — тяжёлый, ровный, как дыхание спящего зверя. В нём появилась... мелодия. Или ритм. Как будто тысячи горл одновременно пытаются вспомнить одну и ту же песню и не могут попасть в тон. Скрежет становится выше. Трение — настойчивее. Где-то далеко лопается старый шов — короткий, сухой хлопок, который пробегает по всей Роще дрожью.

Она закрывает глаза.

И слышит.

Не слова. Скорее — ощущения, вывернутые наизнанку. Тяжесть тела, которого давно нет. Холод, который хочется согреть чужим теплом. Одиночество такое плотное, что оно стало веществом — чёрным, вязким, ползучим. И голод. Голод по границам. По коже. По возможности сказать «я» и не раствориться в общем шуме. Голод по тому, чтобы снова почувствовать, как болят ноги, как саднит лёгкие, как бьётся чужое сердце рядом.

Лада шепчет в пустоту отсека, едва шевеля губами. Голос её тонкий, почти детский, но в нём уже звенит металл Роши:

— Они просыпаются.

Никто её не слышит.

Внизу, в буровом отсеке, бур уже почти дошёл до палубы госпитального судна «Святой Пантелеймон», которое веками назад срослось с «Тавридой». Металл стонет под натиском. Сверло скрежещет всё громче, выше, отчаяннее. Скоро поддастся. Скоро из темноты между мирами начнёт сочиться чёрная, густая, тёплая жижа. Она будет капать. Потом течь. Потом ползти — медленно, настойчиво, ища тепло, ища раны, ища дешёвые протезы и открытую плоть.

А гул всё усиливается. Железная Роща вздыхает — длинно, тяжело, с хрипом. Где-то глубоко, в мумифицированных мозгах, подключённых к древнему реактору тонкими серебряными нитями, что-то медленно, мучительно открывает глаза, которых у него больше нет.

Алматея продолжает дрейфовать в вечной ночи, слепая и равнодушная. А в её тени начинается то, чему следовало навсегда остаться похороненным под километрами ржавчины и кристаллизованного масла.

Гул растёт. Скрежет становится почти песней. И где-то в самом сердце Рощи чёрный ил впервые за столетия шевелится — густо, лениво, голодно.

Глава 1. Будни в тени

Воздух в буровом отсеке «Ковчега-4» стоял густой, словно прокисшее масло. Пахло гидравликой, перегретой изоляцией, потом сквозь термобельё и сладковатой трупной нотой старого полимера, въевшегося в стены. Конденсат медленно полз по переборкам, собирался в тяжёлые капли и срывался вниз с мерным шлепком. Аварийные лампы горели тускло-красным, пульсировали в такт чему-то невидимому. Гул вентиляции, не смазанной лет десять, добавлял свой хриплый тон к вечному скрежету Железной Роши.

Захар Борецкий стоял у главной панели босиком. Холодная вибрирующая сталь палубы говорила прямо с пятками. Он чувствовал неравномерный ритм бура, лёгкую дрожь в правом подшипнике, едва заметный сдвиг стыковочного узла с «Тавридой». Титановый череп отражал красный свет. Жёлтый протез глаза тихо жужжал при каждой перефокусировке. В зубах торчала незажжённая самодельная папироса.

— Давление. Трос. Держать.

Макс кивнул. Протез левой кисти скрипнул на шарнирах. Парень дёрнул трософон — три коротких удара. Звон стальной струны прошёл по всей станции, ударил болью в зубы. Он почесал протез до красноты, привычным нервным жестом.

— Ещё два часа, шкипер? Кости уже поют. Радиация сегодня злая.

Грек, седой и сутулый, сплёвывал на перчатку перед каждым касанием панели. Сальные пальцы блестели.

— Поёт — значит, работает. Лучше поёт, чем молчит. Молчание здесь хуже декомпрессии.

Рита стояла у клапанной станции. Широкие ладони уже лежали на рычагах. Короткие волосы прилипли к влажному лбу, шрам через бровь белел. Она молча считывала показания, тело напряжено, как пружина перед выбросом.

Семён сидел на корточках за станиной бура, обхватив колени толстыми руками. Полное лицо блестело потом. Он жевал белковую пасту без остановки, иногда сплёвывая через левое плечо. Глаза бегали по отсеку.

Лена, худая связистка, прижимала наушник-трософон к уху. Пальцы дрожали на переключателях. Влад «Щит» стоял у гермодвери, широкая ладонь лежала на рукояти порохового ускорителя. Лицо оставалось каменным.

Бур грыз обшивку уже четырнадцатый час. Магнитный наконечник вгрызался сквозь внешний слой мёртвого танкера прямо в зону, где шаровые молнии касались стратосферы Роши. Там конденсировался «Гравий».

В медблоке Хирург прижигал культю очередному сменщику. Фартук из плотной резины стоял колом от въевшихся жидкостей. Респиратор запотевал.

Лада висела в своём модуле-картографии, раскинув длинные руки и короткие ноги в гамаке из кабелей. Она слушала всем телом: ладонью к обшивке, щекой к трубе. Гул сегодня звучал плотнее. В нём появился низкий, почти певучий обертон.

Она прижалась губами к металлу и прошептала так, чтобы вибрация дошла:

— Они ближе. Слышите?

Борецкий чуть заметно коснулся пальцами титановой половины лица.

Бур внезапно взвыл. Звук поднялся выше, стал тоньше, с металлическим визгом, который прошёл по палубе и ударил всех в челюсти. Вибрация сделалась рваной. Макс вцепился в поручень протезом. Грек плюнул в третий раз, уже резче. Рита начала переводить клапаны короткими точными движениями. Семён втянул голову в плечи так глубоко, что казалось, пытается спрятаться внутри комбинезона. Лена тихо вскрикнула в наушник. Влад шагнул ближе к шкиперу, ускоритель уже в руке.

— Сопротивление упало, — произнёс Борецкий сильным баритоном. — Держать обороты. Не сбавлять.

Сверло провалилось. Тяжёлый влажный звук, будто наконечник вошёл во что-то мягкое. Показания скакнули. Температура на буре поднялась ровно до тридцати пяти градусов.

Из отверстия в палубе «Святого Пантелеймона» потекла чёрная густая маслянистая жижа. Сначала одна тяжёлая капля. Потом вторая. Потом тонкая настойчивая струйка по сверлу и дальше по полу.

Макс инстинктивно протянул живую руку. Эйфория ударила сразу — ложное, невозможное тепло. Он улыбался глупо, расслабленно. Губы потрескались, в уголках уже собиралась тёмная влага.

— Тёплая... шкипер, она тёплая, как...

— Не трогать. Отступить. Всем. Немедленно.

Рита первой ударила по панели шлюзов. Титановые задвижки с сухим тяжёлым щелчком отрезали буровой отсек от жилой секции. Воздух будто замер.

— Герметично.

Грек смотрел только на Макса. Голос вышел хриплым.

— Макс. Отдёрни клешню. Ради твоей матери, которой пишешь письма раз в год. Просто убери руку.

Семён всхлипнул и зажал рот кулаком, давясь собственным страхом. Лена шептала в трософон обрывки позывных. Влад молча снял предохранитель.

Жижа расплзлась медленной вязкой рекой. Макс продолжал улыбаться. Ссадина на предплечье потемнела на глазах. Синеватые прожилки поползли под кожей. Протез задрожал, закрипел, пальцы сжались в кулак против воли парня. Шарниры захрустели.

Борецкий произнёс ровно, почти спокойно:

— Док. Сюда. Десять минут. Объясни физику. Почему температура ровно человеческая.

Хирург поднялся из медблока, перешагнул каталку, оставив на металле тёмные следы. Фартук скрипнул.

В модуле Лада выгнулась дугой. Бритая голова ударилась о трубу. Её вырвало желчью прямо на пульты. Длинные пальцы вцепились в обшивку, царапая полимер.

— Они ближе. Оно зовёт нас по именам.

Макс хрустнул позвоночником — громко, сухо, как сломанная ветка. Нейроинтерфейс на шее вспыхнул синим изнутри, пробивая кожу искрами. Протез вытянулся. Металлические пальцы удлинились, превращаясь в шипы из арматуры и кости. Спина выгнулась под невозможным углом. Одежда затрещала по швам. Из горла вырвался звук рвущегося металла. Чёрный ил уже сочился из пор кожи.

Борецкий медленно достал из набедренного кармана направленный взрыв-пакет. Химический заряд щёлкнул, готовясь. Голос остался тихим, почти ласковым.

— Прости, мальчик.

Он нажал на спуск.

Глава 2. Чёрный ил

Взрыв пах озоном и жжёным волосом.

Ударная волна швырнула Семёна головой в переборку. Мир погас на секунду, вернулся острой болью в затылке и пронзительным звоном, на мгновение перекрывшим даже гул Роши.

Зрение прояснилось медленно. Первое, что он увидел — ногу Грека. Старик лежал в пяти метрах, придавленный упавшей секцией стеллажа с инструментами. Ниже колена нога вывернута неестественно. Из-под смятого металла торчал обломок берцовой кости — кость блестела влажно, как свежий излом арматуры. Вокруг медленно растекалась тёмная лужа крови, смешанной с гидравлической жидкостью.

Грек оставался в сознании. Дышал часто, со свистом — пневмотравма. Рука тянулась не к ране. Пальцы слепо шарили по палубе, пока не нащупали откатившийся вибронож. Он сжал узловатую рукоять мёртвой хваткой. Смотрел только на выжженное чёрное пятно, где мгновение назад находился Макс.

Там остался пепел и тонкий сизый дымок. Ил исчез вместе с парнем. Или ушёл глубже в палубу.

— Не взял, — просипел Грек в потолок. Голос звучал почти разочарованно. — Слюна подвела. Надо было керосином...

Рита стояла твёрдо. Гаечный ключ валялся у её ног. По виску текла тонкая струйка крови из рассечённой брови, шрам теперь пересекала свежая рана. Взгляд оставался холодным и ясным. Она методично считывала показания манометров.

— Разгерметизации нет. Вторичные контуры целы. Мы живы. Пока.

Борецкий поднялся с палубы. Правая сторона лица горела адским огнём — отражённая вспышка доела остатки кожи на скуле. Жёлтый протез лязгал, пытаясь очистить линзу от копоти. Он подошёл к краю выжженного пятна, опустил на одно колено, коснулся пепла босыми пальцами.

Запах изменился. Вместо сладковатой трупной ноты полимера теперь стоял раскалённый кремний и соль. Точно человеческие слёзы.

— Док. Сколько у нас до вентиляции?

Хирург появился в проёме шлюза. Шёл враскачку — одна штанина комбинезона потемнела от свежей крови. В руках он нёс пустой металлический ящик из-под изотопа.

— Десять минут. Если повезёт. Ил любит тепло. У нас тепло везде.

Он опустился рядом с Греком, забрал вибронож, положил тяжёлую ладонь на грудь старика, успокаивая дрожь.

— Держись, старый. Сейчас будет очень больно. Резать буду быстро. Спрашивать станем потом. Договорились?

Лена сидела у стены, прижимая трософон обеими дрожащими руками. Пальцы побелели.

— Связь внутренняя ещё держит. Снаружи сплошные помехи. Кто-то большой идёт. Корпоративный маяк. Прямой курс.

Влад уже занял позицию у внутренней гермодвери, пороховой ускоритель наготове, предохранитель снят.

— Щит на месте. Жду приказ.

Семён полз к Греку на четвереньках, всхлипывая и пачкаясь в конденсате.

— Не умирай, старый... пожалуйста... у нас же ещё паста осталась...

Остатки жижи по краям пятна снова зашевелились. Тонкие чёрные усики поползли к кабельным каналам и разбитым фильтрам. Один усик добрался до дыхательного клапана Семёна. Парень судорожно вдохнул — и закашлялся густой чёрной пеной.

— Вкус... сладкий... как тогда...

Рита резко обернулась, голос впервые сорвался на жёсткость.

— Фильтры! Всем свежие! Немедленно!

Док уже пилил ногу Грека. Кость хрустела глухо. Старик молчал, только трижды плюнул в сторону сквозь стиснутые зубы. Кровь мешалась с маслом на палубе.

Борецкий выпрямился. Папироса снова оказалась в зубах.

— Рита — полное отсечение вентиляции бурового от жилых. Влад — периметр, без стрельбы до приказа. Лена — держи все трософоны открытыми. Семён — аптечка, что осталось. Грек... держись. Мы ещё дрейфуем.

Внешний удар пришёл внезапно. Низкий, мощный, костяной. Он прошёл по сросшимся корпусам Роши длинной тяжёлой волной. Вся станция дрогнула. Акустические датчики на главной панели завывли редким пронзительным тоном.

На табло вспыхнула крупная красная отметка. Сторожевой катер. Идентификатор Корпоративного Синдиката. Курс — жёсткий стыковочный перехват. Расстояние сокращалось минутах.

Лена прошептала в трософон, голос сорвался в тонкий писк, как перетянутый трос:

— Они стыкуются. Жёстко. Без запроса. Без предупреждения.

Удар стыковки ударил по корпусу, словно кувалдой. Металл застонал на всех частотах. Внешняя гермодверь заскрежетала под принудительным вскрытием.

Голос Третьяка донёсся сначала по натянутому тросу — скрипучий, прокуренный, тяжёлый канцеляритом, но уже с глубокой усталой хрипотцой:

— Станция «Ковчег-4». Инспектор Третьяк, Корпоративный Синдикат. Согласно пункту четырнадцать регламента о чрезвычайных ситуациях и обнаружению неизвестного биологического или иного агента... открывайте шлюз. Добровольно. Либо мы откроем его сами.

Борецкий медленно провёл пальцем по титановому виску.

— Влад. Рита. Готовность к приёму гостей. Оружие вниз. Пока.

Дверь шлюза пошла внутрь с долгим болезненным скрежетом. Холодный воздух с катера ворвался в отсек — запах озона, оружейной смазки и настоящей дорогой шерсти.

Третьяк вошёл первым. Огромный, грузный, в тяжёлой шинели с меховым воротником, абсолютно непрактичной здесь. За ним — двое автоматчиков в лёгких скафандрах.

Инспектор остановился. Медленно оглядел выжженное пятно, раненого Грека с опилённой ногой, чёрные потёки на палубе, кровь, пепел, дрожащего Семёна с чёрной пеной на губах. Понюхал воздух глубоко.

— Красиво у вас тут. Пахнет полноценным списанием.

Жёлтый глаз Борецкого сфокусировался на нём с тонким жужжанием.

— Груз ещё не поднят полностью. Люди частично заражены. Рекомендую объявить карантин с вашей стороны немедленно.

Третьяк достал старинные механические карманные часы на цепочке. Завёл их медленно, с чётким щелчком. Единственный механизм, который шёл точно.

— Карантин объявлю я. А пока покажите, что именно у вас течёт по палубе. Объясните, почему один из ваших уже стал частью декораций.

За спиной Семён снова закашлялся. Чёрная пена пошла гуще. Лена тихо, почти беззвучно заплакала в трософон. Грек стиснул зубы, когда Док закончил работу над культей и начал прижигать.

Гул Железной Роши стал громче. Плотнее. Он уже складывался в хор.

Глава 3. Инспектор

Холод с катера вполз в буровой отсек тяжёлой влажной волной. Пахло озоном, оружейной смазкой и настоящей дорогой шерстью — запах, почти неприличный среди гидравлики и старого полимера.

Третьяк стоял посреди выжженного пятна, огромный в тяжёлой шинели с меховым воротником. Воротник уже отсыревал. Чёрный пластик импланта закрывал место левого уха. Механические часы на цепочке он медленно крутил между толстыми пальцами, пружина щёлкала едва слышно. Двое автоматчиков за его спиной держали пороховые карабины стволами вниз, но пальцы лежали на спусках.

Борецкий не сдвинулся с места. Босые ступни утопали в пепле. Жёлтый протез глаза тихо жужжал, сканируя инспектора.

— Груз изотопа частично в ёмкостях кормового трюма. Заражённых двое. Один уничтожен на месте. Второй в активной фазе.

Третьяк кивнул тяжело, будто сверял с уже готовым отчётом.

— Пункт четырнадцать регламента. Неизвестный агент. Карантин. Утилизация объекта вместе с персоналом при отсутствии гарантированной очистки. Вы это знаете наизусть, шкипер.

Он прошёл дальше. Тяжёлые ботинки оставляли чёткие мокрые отпечатки. Остановился над Греком. Старик лежал с свежеприжжённой культей. Док как раз затягивал жгут из обрезка гидравлического шланга. Грек сплюнул в сторону инспектора густо и зло.

— Слюны на всех не хватит.

Третьяк даже бровью не повёл.

— Старые собаки кусаются дольше всех. Понятно.

Взгляд перешёл на Риту. Женщина стояла у панели, кровь на виске уже засохла тёмной коркой.

— Клапаны на тебе. Сколько до полной потери давления при отсечении стыковочного узла?

Рита ответила без паузы, голос плоский:

— Четыре минуты двенадцать секунд до критической отметки. Семь — до вакуума в жилых.

— Принято.

Третьяк достал из внутреннего кармана шинели плоский чёрный пенал. Открыл. Внутри лежали три компактных направленных заряда с магнитными лапами и цифровыми таймерами. Он протянул один автоматчику.

— Стыковочный узел. Несущие опоры. Три точки крепления. Таймер — сорок минут. Точно.

Влад сделал полшага вперёд. Ускоритель поднялся на дюйм.

— Приказ шкипера — стволы вниз.

Борецкий коротко поднял ладонь.

— Стоять.

Третьяк посмотрел на Влада долгим тяжёлым взглядом.

— Бывший наш. Нашивки под заплатами ещё читаются. Умный. Не геройствуй зря.

Инспектор сам двинулся к внутреннему шлюзу, ведущему в жилую секцию «Тавриды». Автоматчики последовали. Один остался прикрывать выход.

— Покажите заражённого. Потом девочку, которая слышит стены. После — подпишете акт о добровольной эвакуации приоритетного персонала. Остальные остаются на объекте до утилизации.

Семён сидел у стены, всё ещё сотрясаясь от кашля. Чёрная пена тянулась нитями от губ к подбородку. Зрачки разного размера, взгляд мутный.

— Сладко... очень сладко стало...

Лена вжималась спиной в переборку, трософон белыми пальцами вдавлен в ухо до боли.

— Они минируют. Слышу сверление через металл. Трос поёт криво. Частота чужая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.